

Русские обычаи: святки

Святки, коляды - один из самых больших, шумных и веселых многодневных народных праздников. Они приходились как раз на то время, когда все земледельческое население, обмолив хлеб и покончив со всеми работами, придавалось отдыху. Святки на Руси (да и вообще у всех славянских народов) сопровождались множеством обычаев, обрядов, поверий, примет, гаданий и т.д., в которых языческие мотивы тесно смешивались с христианскими воспоминаниями о Спасителе мира.

Так, к языческим обрядам относились практически все святочные гадания, игры, наряды и проч.; к дохристианским же временам принадлежал, судя по всему, и обычай колядовать, однако при этом само слово "святки" говорило о святости этих дней, освященных столь важным для христиан событием - Рождеством Спасителя.

Под святками славянские народы понимали две недели зимних праздников, начинающихся с Рождества и заканчивающихся Крещением, т.е. приходившийся на время с 25 декабря по 5 января ст.ст. (при этом, однако, в Малороссии, Польше, Белоруссии под именем святок (Swiatki) были известны как праздники, приуроченные к Рождеству и Новому году, так и праздники Троицкого периода - Зеленые святки). В древности на этот период падало сразу несколько знаменательных дат: зимний солнцеворот, Васильев день (делящий святки пополам) и, конечно, Рождество Христово и Крещение. Весь этот святочный цикл связанных между собой праздников нередко именовался в народе "колядой"; при этом рождественский сочельник (а иногда - Васильевский вечер) называли "первой (или богатой) колядой", а крещенский - "второй (или второй, бедной, постной) колядой". А так как обязательным обрядовым блюдом святочного периода являлась кутья, в некоторых местах канун Рождества мог именоваться также "первая кутья", канун Васильева дня (Нового года) - "другая (вторая) кутья", а крещенский сочельник - "третья кутья".

Со святками, как со святым, праздничным временем года, связывались в народе различные запреты, многие из которых были традиционными для всех праздников вообще (например, запрет на работу). Так, во время святок (и особенно в сочельник, а также с наступлением темноты) запрещалось работать; любая работа в это время считалась грехом, за которым могло последовать наказание свыше - град, неурожай, болезни и т.д. Прядение на святках, по народному убеждению, могло обернуться нападением на скот волков, неурожаем и градом (при этом во многих местах гребень и другие ткацкие инструменты на святки вообще выносили из дома, полагая, что это защищает скот от болезней, а людей от змей); в некоторых местах на святки даже не рубили дрова и не брали в руки топор, чтобы летом не было града.

Святки (особенно вторая их половина, именуемая в народе "страшными вечерами", "погаными" и "нечистыми" днями, "кривыми" неделями и т.д.), повсеместно считались временем особого разгула нечистой силы и появления на земле душ умерших; вероятно, эти поверья были связаны с представлением о святках как о границе, промежуточном периоде между старым и новым годом. Очевидно, свою роль сыграло и то, что именно на время святок приходились некогда языческие празднества, посвященные Велесу - "скотьему богу". Кроме того, появление на земле сверхъестественных, потусторонних существ нередко объясняли и тем, что на Рождество Бог, радуясь рождению сына, выпускает из "иного" мира покойников и нечистую силу "гулять по белу свету", и они остаются на земле до самого Крещения.

Так, повсеместно считалось, что на святки души предков посещают свои дома, поэтому в это время специально для умерших готовили поминальную пищу (обрядовый хлеб, кутью, блины), оставляли на столе остатки ужина, а также жгли костры у ворот, полагая, что усопшие родители прилетают к ним обогреться. Во многих местах верили, что на святки можно увидеть умершего последним членом семьи, ужинающего с живыми, если заглянуть в дом из сеней через дверную щель во время рождественского ужина; кроме того, в некоторых местах полагали, что если на святках заглянуть в "устье" печи, то можно увидеть своего покойного отца.

В связи с присутствием на земле в святочный период обитателей потустороннего мира, особое значение приобретала общесемейная трапеза. На святках обычно готовили нечетное количество блюд; обязательной обрядовой едой в это время считали блины и овсяный кисель, а также кутью - круто сваренную кашу из

ячменной или пшеничной крупы, нередко разбавленную медом. Ужин начинали с молитвы и поминовения умерших родственников; при этом в некоторых местах на стол выкладывали столько лишних ложек, сколько членов семьи было похоронено за истекший год. Во многих местах перед ужином или в момент подачи на стол кутьи хозяин или старший в доме выходил на порог дома и приглашал умерших родственников (или иных мифологических персонажей - "тучу", "мороза", "волка", "ветер" и т.д.) к праздничному ужину. Во время самого ужина совершался обряд "кормления душ": для "дзядов" откладывали в специальную миску понемногу от каждого блюда (или первую ложку от кутьи, первый испеченный блин); бросали пищу в углы дома, за окно, в печь; оставляли на ночь остатки пищи и посуду на столе и т.д. Все эти обряды могли проводиться в различные дни святочного периода, хотя чаще всего приурочивались к Новому году или рождественскому сочельнику.

Особые обряды были связаны и последним днем святочного периода, когда все сверхъестественные существа должны были покинуть землю. Так, например, считалось, что после святок "дзяды" возвращаются обратно в потусторонний мир, поэтому в последние дни святок (обычно на Крещение) их с особыми обрядами "проводжали" из дома. В это же время устраивались и проводы других сверхъестественных существ - нечистой силы, а также "старого года", "кутьи", "коляды" и т.п.; однако их, в отличие от "дзядов", не проводжали с почтением, а изгоняли. Так, например, в Крещенский сочельник после ужина во многих местах "прогоняли кутью" выстрелами во дворе, ударами палкой в ворота и двери дома; в русских селах парни скакали верхом на конях вдоль села и с громкими криками били метлами и кнутами по углам и заборам, "изгоняя святки" и т.д. Нечистую силу обычно изгоняли схожим образом, но также нередко использовали и другие способы, прибегая к помощи молебнов, креста и пр.: так, например, повсеместно принято было на Крещение устраивать водосвятие, освящение воды в прорубях для того, чтобы изгнать из рек и озер всех находящихся там нечистых духов.

Как "переломное", пограничное время года, время особой активности нечистой силы и появления на земле существ с "того" света, а также время "поворота зимы на лето" и т.д., святки повсеместно считались самым подходящим временем для гаданий и свершения обрядов, связанных с урожаем, а также благополучием всей семьи. Во многих местах при этом гадали по различным приметам: так, например, во многих местах верили, что если на святки много звезд на небе или часто идет снег, на деревьях много инея, то год будет урожайным (и не только на хлеб, но и на ягоды и пр.), а у скота будет богатый приплод. Ясные дни в рождественский пост также обещали хороший урожай. "Темные святки" (облачность в ночь под Рождество), сулили большие удои молока в наступающем году. Во многих местах об удаче или неудаче в жизни и хозяйстве гадали по первому посетителю, либо по рождественскому полену бадняку.

Вообще, обрядов, определяющих, по народному убеждению, благополучие хозяев на весь будущий год, было известно немало; они проводились в течение всего святочного периода, хотя, по большей части, были приурочены к трем главным праздничным дням святок. Так, на святках (обычно на Рождество и в Новый год) в дом вносили свежую воду и умывались ею для здоровья; ставили в красный угол первый сноп; устилали пол свежей соломой и т.д. Кроме того, на святки "прятались за пирогами", чтобы обеспечить урожайный год; обсыпали большаков в семье зерном; обвязывали соломенными "перевяслами" фруктовые деревья, чтобы они хорошо родили; кормили кутьей домашнюю птицу, окружив ее поясом, чтобы она "держалась своего двора"; обильно кормили скот, в том числе и обрядовым хлебом; "будили" коров и пчел, поздравляя их с праздником, и т.д. На Рождество или на Новый год повсеместно устраивали также сытное праздничное застолье, которое должно было обеспечить изобилие продуктов на весь будущий год; к святкам, и уж непременно к Новому году, старались избавиться от всех долгов и болезней, чтобы в будущем году быть здоровым и преуспевать в делах, и т.д.

Помимо этого, для святочных праздников были характерны очистительные обряды: подметание в доме и выбрасывание святочного мусора в пустынные места подальше от дома; сожжение рождественской соломы или разведение костров; окуривание или окропление водой хозяйственных построек; надписывание освященным мелком крестов на дверях и воротах и т.п. На святки (чаще всего - на Новый год) во многих местах производили "обновление огня": гасили в домах все огни и зажигали новые от "живого огня".

При этом собственно святки (коляды) с давних времен делились на две половины: первая (включая новогоднюю ночь с 31 декабря на 1 января) была посвящена гаданиям о судьбе, будущем урожае и благополучии семьи, а вторая (начиная с новогодней ночи) была связана со скотом и зверьем и была отмечена особым разгулом нечисти. В древности эта часть святок представляла собой разгульные "велесовы дни", когда рядились в медведей, туров, волков и т.д. При христианстве характер празднования святок, естественно, изменился, но сохранил многие языческие черты; так, например, сохранился обычай рядиться на святки в животных, а также в различных мифологических персонажей: в "оборотней", "кудесников", "волкодлаков", "страшилищ", "покойников", "кикимор", "стариков" и т.д. Подобное ряжение почиталось

благочестивыми людьми за грех, однако обычай рядиться в маски на святки сохранялся долгое время во многих местах (хотя при этом нередко делались некоторые уступки христианским воззрениям: так, во многих местах рядились только парни, но ни в коем случае не девушки, а кроме того, все ряженные обязаны были после “очищаться”, т.е. купаться в проруби в день Богоявления). Так, ряженные повсеместно участвовали в игрищах, разыгрывали различные сценки и т.д.; кроме того, они обязательно принимали участие в колядовании, обрядовых обходах и т.п.

Участники святочных колядных обходов воспринимались народом как священные гости, посланники с неба; их одаривали обрядовой пищей, предназначавшейся обычно для духов. Колядующие ходили по домам в вечернее время и ночью специально для того, чтобы получить от хозяев обрядовую пищу и высказать благопожелания, облаченные в форму колядных песен и приговоров; при этом считалось, что благосостояние семьи в текущем году напрямую зависит от одаривания колядующих. Если хозяева отказывались наградить ряженных, те могли даже прибегнуть к угрозам, обещая скучным людям неурожай и различные беды; если же угощение было щедрым, колядующие сулили хозяевам всяческих благ, большой приплод скота и т.п. (при этом считалось, что пожелания колядующих, плохие или хорошие, непременно сбудутся, поэтому крестьяне обычно старались встретить их как можно лучше).

Таким образом, святки были важным временем в жизни всей семьи; однако при этом в народе они считались преимущественно молодежным праздником, и центром всего празднества служили всевозможные затеи юношей и девушек. В это время принято было устраивать шумные веселые гульбища и игрища, собираться на посиделки, гадать и т.д.; это время было порой забав и развлечений всех людей, но особенно еще неженатой молодежи. К празднику святок готовились едва ли не за целый месяц: девушки шили себе наряды, парни готовили маскарадные костюмы и выбирали “жировую” избу и т.д.

Центр девичьих развлечений в святочное время составляли всевозможные гадания о судьбе и замужестве. Вообще большая часть девичьих гаданий приходилась именно на святки, время особой активности нечистой силы, а также время “перелома года”: в это время все молодые незамужние девицы стремились узнать, хоть бы и с помощью нечистой силы, о том, состоится ли в грядущем году их замужество, красивым, богатым и добрым ли окажется муж и т.д. Об этих святочных гаданиях в народе ходило множество рассказов, быличек, поверий и т.д.; практически в каждом, даже самом маленьком поселении находились люди (по большей части старухи и пожилые женщины), которые на посиделках рассказывали о происшедших во время таких гаданий с ними или с подругами страшных происшествий. Объяснялось это тем, что гадания повсюду считались делом нечистым и очень опасным: во время гадания человек сознательно входил в контакт с нечистой силой, чертями, именно в святочный период, до самого Крещения находящиеся в состоянии особой активности и свободно расхаживающих по земле. А при таком близком контакте с нечистыми духами любая, даже самая маленькая оплошность могла обернуться непоправимой бедой: человек мог оказаться во власти чертей и испытать на себе их пагубное воздействие. Так, например, множество быличек рассказывает о том, как гадающие по рассеянности забыли очертиться кругом, способным оградить от нечистой силы, и злые духи, призванные во время гадания, довели их до гибели. При этом иногда гадающие оказывались во власти нечистой силы, даже соблюдая все меры предосторожности; правда, нередко причиной этого являлся их страх. Так, например, в одном из рассказов Новгородской губернии гадающие девки едва не погибли из-за того, что испугались и выскочили из очерченного круга; и если бы хозяйка того дома, куда они в страхе забежали, не сообразила надеть им на голову пустые глиняные горшки, нечистая сила извела бы их всех (а так нечистый дух в облике свиньи, забежав в избу, только перебил горшки у девок на головах).

Однако даже вероятность пугающей и опасной встречи с нечистой силой не останавливала молодых людей, желающих узнать свою судьбу. Святочных гаданий о судьбе и о браке, особенно гаданий девичьих, было известно множество. Многие из этих гаданий производились с использованием самых различных предметов: свечей, пояса, колец, святочного мусора, зерна, блинов, лучинок, колядного веника, воска, зеркала, священной воды в больших ритуальных чарах и т.д. Так, наиболее распространенными видами гаданий были: литье олова или воска; гаданье с петухом; выбрасывание за ворота башмаков; обычай “хоронить золото”; гадание с зеркалом и свечами; гадание у бань и овинов; подслушивание разговоров и т.д.

Все эти способы применялись практически повсеместно и лишь немного варьировались. Так, например, в некоторых местах полагали, что при гадании с петухом следует украсть у кого-нибудь из причта насавленного овса, чтобы им обсыпать свои кольца; в других местах овса не крали, но зато использовали более сложный способ гадания: раскладывали на столе щепотку крупы, кусок хлеба, ножницы, золу, уголь и ставили миску с водой, полагая, что если петух клюнет крупу или хлеб, то суженый будет из богатой семьи, если ножницы - окажется портным, если золу - будет табачником, станет пить воду - муж будет пьяница, если же вдруг клюнет уголь - девушка в будущем году вовсе не выйдет замуж. Иногда о будущем муже судили и по самому петуху:

шли в полночь в курятник, ловили там петуха на насесте и по цвету его перьев судили о том, какой цвет волос будет у будущего мужа.

Гадания у бань и овинов также несколько варьировались: в некоторых местах девушки, подходя к овину, клали руку в окошко, в других местах становились к окошку задом и задирали сарафаны, обнажая зад, а иногда делали то же самое, зайдя внутрь строения; во всех этих случаях они произносили: “Суженый-ряженный, погладь меня”, а затем ждали, не дотронется ли до них овинный или банный дух (считалось, что если к руке или обнаженному задугадающей прикоснется мохнатая рука, девушка скоро выйдет замуж за богатого мужика, а если голая рука - за бедного). Иногда подобный способ гадания несколько усложняли: сначала ходили гадать к овину, затем шли в овраг к бане, где снимали с себя кресты и проделывали у чела печки то же, что и у окна овина (только к печке подходили передом), также просили “суженого” погладить их и, кроме того, сеяли золу, которую потом каждая гадающая высыпала отдельной кучкой возле печки; на следующий же день к этим кучкам ходили смотреть, полагая, что если на кучке окажется след ног в сапогах, то это сулит богатого мужа, если будет след лаптей, то муж будет бедным, а если будут видны следы от удара кнутом - муж окажется сердитым, будет бить жену.

Многие из святочных гаданий состояли в том, что гадающие отправлялись слушать в какое-либо место, и по услышанным звукам судили о замужестве. Подобных гаданий было немало: слушать ходили на перекрестки, на мусорные кучи, на пустыри и т.д. Наиболее же часто слушали под окнами в Васильев вечер, стараясь по долетающим отдельным словам узнать свою судьбу. Не менее часто ходили слушать на церковную паперть, полагая, что если почудится, что в пустой церкви поют “Исайя, ликуй”, то замужество в этом году неизбежно, а если поют “Со святыми упокой”, то неизбежна смерть.

Считалось также, что суженого девушка может увидеть во сне, если совершит перед сном определенные обряды. С этой целью, к примеру, девушки, ложась спать, оставляли на одной ноге чулок и произносили: “Суженый-ряженный, разуй меня”; привязывали к поясу замок, запирали его и ключ клали под голову со словами: “Суженый-ряженный, отомкни меня”; на сосуд с водой клали четырехугольником лучинки (это называлось “класть колодезь под головы”), говоря: “Суженый-ряженный, приезжай коня поить”, и т.д.

Существовали в народе и другие, менее распространенные, но все-таки довольно популярные способы святочных гаданий. При этом в большинстве случаев девушки гадали одни (т.е. без участия парней); но существовали также и способы совместных гаданий. К их числу, например, относились святочные “подблюдные песни”, а также гадания на расстанях, в которых принимала участие молодежь обоего пола: парни и девушки садились в кружок на каком-нибудь перекрестке, очерчивали себя кругом, прикрывались белой полотняной скатертью и напряженно вслушивались в тишину новогодней ночи. Если кому-нибудь слышался звон колец, то считалось, что этот человек в той стороне найдет себе пару (т.е. девушка выйдет в ту сторону замуж, а парень оттуда возьмет жену); то же предвещал собачий лай, причем по нему можно было даже определить характер жениха или невесты (хриплый и грубый лай означал старого и ворчливого жениха, звонкий - молодого; лай слышится вблизи - жених будет из ближнего села, а если лай далекий - из дальних мест). Звук топора при таком гадании означал смерть, а звук поцелуя - потерю чести для девушки. При этом считалось, что никто из гадающих не должен выходить из круга, пока все не будут “расчерчены”, то есть пока кто-нибудь из присутствующих здесь же, но не участвующих в гадании, снова не очертит гадающих кругом; в противном случае, по народному убеждению, гадание не сбудется.

Гадания занимали важное место в святочных празднествах, однако при этом центром всего веселья считались посиделки. Для посиделок, как правило, избиралась какая-нибудь изба, именуемая “жировой”; вопрос об этой избе повсюду считался очень важным и решался сообща. При этом нередко случалось так, что избу для посиделок предоставляла молодежи за некоторую плату (например, за 2-3 рубля) какая-нибудь одинокая старуха; она позволяла вынести всю домашнюю рухлядь и убрать все в избе так, как захотят наниматели. Деньги за избу могли платиться наличными или отрабатываться; при этом взносы обычно вносили все, даже девушки (а иногда даже считалось, что девушка должна платить больше, чем парень, едва ли не в два раза, а в случае бедности обязана отработать нужную сумму, например, день жать).

Святочные посиделки начинались обыкновенно не ранее 6 декабря и отличались от всех других посиделок, в частности, тем, что на них и парни, и даже девушки рядились. Так, например, в первый день святок девушки наряжались в чужие сарафаны и закрывали лица платками, чтобы парни их не узнали; самые же бойкие девушки и парни наряжались в несвойственную им одежду противоположного пола: парни - в женскую одежду, а девушки - в мужскую. При этом чаще всего так рядились в то время, когда отправлялись на посиделки в чужую деревню, чтобы легче было дурачить знакомых. Сама же “интрига” в таких случаях была весьма незамысловата: парень, переодетый девушкой, избирал себе в кавалеры какого-нибудь простодушного парня и начинал его дурачить - заигрывал с ним, назначал ему свидания, кокетничал и даже давал нескромные

обещания, а к концу вечера, когда простак-кавалер уже “пламенел от страсти” и умолял свою “даму”, чтобы она “осчастливила его немедленно”, долго ломался, потом уступал, иногда даже выходил на свидание, и лишь затем открывался ему (либо разоблачал себя при всех, так что незадачливого кавалера поднимали насмех). При этом нередко случалось и так, что в тот момент, когда влюбленный кавалер уже заключал свою “даму”, вышедшую к нему из дома на свидание, в объятия, из избы выскакивала целая ватага хохочущих молодцов, которые налетали на простофилю и набивали ему полные штаны снега. Приблизительно такой же характер носили интриги девушек, наряженных парнями: они также выбирали себе наиболее простоватых девиц, ухаживали за ними, уговаривали выйти за себя замуж и даже иногда выпрашивали “в залог” платок, колечко и т.п. Иногда такие забавы расшалившихся девиц отнюдь не отличались скромностью, однако подобные выходки обычно прекращали сами парни: они с хохотом и криками разоблачали озорницу почти донага и в таком виде пускали на улицу, где иногда еще и вываливали в снег. Кроме того, сдерживающим фактором на посиделках являлось также и присутствие в “жировой” избе посторонних людей, обычно ребятишек (которые во время посиделок нередко толпились под полатами, наблюдая за забавами и играми старших), а также пожилых мужчин и женщин: так, например, многие парни сдерживали себя, замечая, что вокруг них и их избранниц, которых они уже собирались заключить в объятия, крутятся ребятишки, младшие братишки и сестренки, которые все примечают, а потом, в случае надобности, не преминут рассказать обо всем матери или отцу. Из-за этого на многих посиделках парни устраивали целые побоища: один брал веник и хлестал не в меру любопытных и мешающих ребятишек, а другой в это время держал дверь и не выпускал никого из избы; после такого наказания ребята, как правило, тут же разбегались по домам, как только их выпускали.

Сдерживающим началом служило, кроме того, присутствие на посиделках парней и девушек из других деревень. Их принимали как дорогих гостей и старались, чтобы все было чинно и прилично. Хозяева “беседы” (т.е. заправляющие всем на посиделках парни и девушки) уступали им место на лавках, а во время танцев следили, чтобы чужие девки не остались без кавалеров и чтобы с парнями-гостями танцевали девки “первого сорта”, т.е. самые пригожие, лучшие в деревне. При этом, однако, во многих местах считали, что если парень из одной деревни ухаживает за девушкой из другой и ходит на посиделки в ее деревню, то должен непременно поставить парням из девушкиной деревни водки в качестве откупа; в противном случае он мог поплатиться побоями и даже увечьями. Случалось и так, что избитый парень подбивал парней из своей деревни на месть, и они являлись в село к оскорбителям целой ватагой, врываются на посиделки, где тут же завязывалась драка; девушки в это время обычно разбегались по домам, а парни выходили на улицу, где дрались уже не на кулаках, как в избе, а “плахами” (поленьями). Такие драки происходили нередко по нескольку раз и кончались либо тем, что “коренные” парни, как побежденные, соглашались принимать у себя на игрищах чужаков “без водки”, либо тем, что они, как победители, “сдирали” с противников водку, которую и распивали на посиделках.

Однако такие побоища возникали не слишком часто. Обычно же собравшиеся на святочных посиделках, и гости, и хозяева, веселились в полном согласии, в частности, устраивали танцы и гадали. Помимо этого, на святки повсеместно принято было устраивать игрища, иногда - целые комедийные представления, где “заводилами”, авторами и актерами были, как правило, деревенские парни. Обычай устраивать подобные игрища был известен еще при язычестве; при христианстве эти игры, конечно, весьма изменились, однако сохранили разнузданность, буйство и свободу нравов (отчего церковь именovala их “бесовскими”). Так, например, во многих местах была распространена “игра в кобылы”, во время которой парни, собравшиеся “на беседу” (т.е. на посиделки) строили девок попарно и, приказав им изображать кобыл, пели хором: “Кони мои, кони, кони вороные...”; затем один из парней, изображающий хозяина табуна, кричал: “Кобылы, славные кобылы! Покупай, ребята!” - а другой парень - “покупатель” - выбирал одну девку и осматривал ее, как на ярмарке осматривают лошадь, после чего сообщал, что он хочет ее купить. Далее шла “торговля”, нередко полная непристойных жестов и неприличных песен; затем “купленная кобыла” целовалась с “покупателем” и садилась с ним. После этого, с теми же жестами и песнями, происходила переторжка, а потом начиналась “ковка кобыл”: один из парней зажигал пук лучины (горн), другой раздувал его (мехи), третий колотил по пятам (кузнец), а “покупатель” держал “кобылицыны” ноги на своих, чтобы “не ушла”. Игр такого типа существовало немало. Так, не менее, чем “игра в кобылы”, была известна “игра в блины”, состоявшая в том, что один из парней брал хлебную лопату или широкий обрезок доски, а другой поочередно выводил девушек на середину избы и, держа за руки, поворачивал их спиной к первому парню, который со всего плеча бил их по нижней части спины (“пек блины”). Весьма распространена была и “игра в быка”, а также сходная с ней “игра в гуся”. “Игра в быка” состояла в том, что парень, наряженный быком, держал в руках под покрывалом большой глиняный горшок с приделанными к нему настоящими рогами быка; ими он и бодал девок, причем старался поддеть так, чтобы было не только больно, но и стыдно; девки поднимали крик и визг, после чего другой парень “убивал быка” - бил поленом по горшку, так, чтобы он разлетелся, после чего “бык” падал и его уносили. “Игра в гуся” отличалась от “игры в быка” только тем, что ряженный парень приходил не с горшком с

рогами, а с торчащей из-под покрывала длинной шеей с клювом (имитацией гусиной головы), и этим клювом “клевал” девок по голове (иногда и пребольно). В некоторых местах “быка” или “гуся” заменяли еще “лошадью”: парни наряжались лошадью и “лягали” девок, находящихся в избе.

Более сложной, но не менее распространенной была “игра в кузнеца”. Начиналась она с того, что в избу на посиделки вваливалась толпа парней с вымазанными сажей лицами и с подвешенными седыми бородами, а впереди них шел главный герой - “кузнец”; одет он был только в портки, его верхняя часть туловища была разукрашена симметрично расположенными кружками, изображающими пуговицы, а в руках он держал большой деревянный молот. Следом за “кузнецом” в избу вносили высокую скамейку, покрытую широким, спускающимся до земли, пологом, под которым пряталось человек пять-шесть ребятишек. Кузнец расхаживал по всей избе и хвастал, что может сделать что угодно - замки, ножи, топоры, ухваты и пр., а сверх того умеет “старых на молодых переделывать”; при этом он обращается к какой-нибудь девице “не первой молодости” и предлагает ей “перековать” ее на молодую. Она при этом конфузится и отнекивается; тогда кузнец приказывает одному из ряженных стариков: “Ну-ка ты, старый черт, полезай под наковальню, я тебя перекую”, после чего “старик” прячется под пологом, “кузнец” бьет молотом по скамейке и из-под полога выскакивает подросток, а у кузнеца при каждом ударе сваливаются портки и он остается совершенно обнаженным. “Перековав” всех “стариков” на молодых, “кузнец” вновь обращается к девушкам, спрашивая у каждой: “Тебе, красавица, что сковать? Тебе, умница, что сковать?”; при этом каждая девушка должна что-нибудь заказать, а затем, выкупая приготовленный заказ, поцеловать кузнеца, который старается при этом как можно больше вымазать ей лицо сажей.

Все подобные игры являлись, судя по всему, остатками каких-то древних языческих обрядов, связанных, очевидно, с плодородием и проводившихся в “велесовы дни”. Так, например, святочная “игра в быка” была, вероятно, связана с культом “буй-тура”, “яр-тура”, т.е. с культом яркой жизненной силы. Однако при христианстве эти игры считались, в общем-то, неопасными, не оскорбляющими религиозные чувства собравшихся и относительно безобидными. Но одновременно с этими святочными играми, в народе существовали и другие, также, по всей вероятности, являвшиеся остатками каких-либо древних обрядов и считавшиеся в народе опасными и “страшными”; такие игры церковь нередко признавала кощунственными. Такова, к примеру, была игра в покойника” (в “умруна”, “смерть” и т.д.). Состояла она в том, что один из парней (или даже из взрослых мужиков) соглашался быть “покойником”; остальные парни наряжали его во все белое, натирали ему лицо овсяной мукой, вставляли в рот длинные зубы из брюквы и клали на скамейку или даже в гроб (и при этом нередко накрепко привязывали его веревками, чтобы он, в случае чего, не упал и не убежал). “Покойника” вносили в избу на посиделки четыре человека, а сзади шел “поп” в рогожной ризе, в камилавке из синей сахарной бумаги, с кадилом в виде глиняного горшка или рукомойника, в котором дымились угли, сухой мох и куриный помет. Рядом с “попом” выступал “дьячок” в кафтане, с косицей сзади, потом “плакальщица” в темном сарафане и платочке и, наконец, толпа провожающих “родственников”, между которыми обязательно был мужчина в женском платье, с корзиной, полной шанег или опекишей для поминовения усопшего. Гроб или лавку с “покойником” ставили посреди избы и начинали “отпевать” его, причем такое отпевание состояло обычно из “самой отборной, что называется, осторожной брани” и прерывалось только всхлипываниями “плакальщицы” да каждением “попа”. По окончании отпевания, всех присутствующих на посиделках девок заставляли “прощаться с покойником”, и при этом непременно целовать его в открытый рот, набитый брюквенными зубами. Кончалась же игра тем, что часть парней уносила “покойника” хоронить, а другая часть оставалась в избе и устраивала поминки, состоявшие в том, что мужчина, наряженный девкой, оделял всех девиц из своей корзины “шаньгами” - кусками мерзлого конского помета. В некоторых местах та же “игра в покойника” была несколько проще и заключалась в том, что “покойника”, обернутого в саван, носили на святки по домам, спрашивая у хозяев: “На вашей могиле покойника нашли - не ваш ли прадедка?”

К подобным играм большая часть населения (в частности, практически все люди “в летах”) чаще всего относилась с осуждением; решалась же на эту игру обычно только молодежь, а зачинщиками, по большей части, являлись удалые молодцы, из тех, что слыли в деревне “сорви-головами”. Однако даже среди них роль “покойника” считалась нечистой и опасной, на нее соглашались только очень немногие и с большой неохотой. Народные поверья гласили, что человек, который изображает покойника, находится в большой опасности: считалось, что он будет схвачен “умрунами” в лесу и утащен ими неведомо куда. Так, в Вологодской губернии рассказывали, что один парень, рядившийся на святках в саван, был утащен покойником в болото и отдал во власть дьявола; дьявол долго бил его дубинкой, заставляя снять крест и бросить в болото, однако парень, несмотря на мучения, все-таки не покорился и креста с себя не снял, чем и спасся от смерти, отделавшись только увечьями.

Но, не смотря на подобные “страшные” рассказы, бытовавшие в народе практически повсеместно, обычай рядиться покойниками был распространен довольно широко, особенно на севере, причем в некоторых местах

(например, в той же Вологодской губернии) покойниками рядились не только молодые парни, но даже и женатые мужики (а изредка и бойкие девки, хотя такое случалось крайне редко), и притом по несколько человек сразу, так что в избу для посиделок на святки врывалась порой целая артель “покойников”. Иногда они являлись с туго свитыми жгутами в руках, и этими жгутами нещадно, порой до синяков хлестали по спинам приезжих парней и девиц из чужой деревни, а то и вообще всех девок и ребят, собравшихся на беседу.

Святочные игры “в быка”, “в покойника” и т.д. были весьма распространены, однако при этом было известно немало других игр, которыми забавлялась на святках деревенская молодежь; многие из этих игр были очень простыми и веселыми. Такова была, например, “игра в голосянку”, когда один из парней выходил на середину избы и громко говорил: “Ну, давайте-ка, ребята, голосянку тянуть. Кто не дотянет, того за волосы-ы-ы!”; затем он и все другие начинали тянуть это “ы”, а посторонние посетители (ребятишки и пожилые люди) всячески старались рассмешить их и тем заставить прерваться; тот же, кто первым не выдерживал и начинал смеяться или вообще прекращал тянуть свое “ы-ы-ы!”, тут же подвергался атаке всех присутствующих на вечеринке: на него насакивали и начинали теревить за уши, за нос, за волосы. Схожий азарт вызывала и “игра в молчанку”, состоявшая в том, что по команде: “Раз, два, три”, все парни и девушки должны были замолчать; тот же, кто первым нарушал это молчание, подвергался какому-либо условленному наказанию, например, должен был съесть горсть угля, поцеловать какую-нибудь старуху, позволить облить себя водой с ног до головы или сходить на гумно и принести горсть соломы (что считалось тягчайшим наказанием, так как ушедший мог угодить в лапы гуменника). Если же кто-то отказывался исполнить уговор и подвергнуться наказанию, то его начинали “катать на палках”: для этого несколько ребятшек приносили три-четыре круглых и гладких полена, раскладывали их на полу, а парни валили на эти поленья виновного, подхватывали его за руки и за ноги и начинали катать по поленьям.

Характерным элементом святочных посиделок являлись “святковские” песни, исполняемые только в рождественские и новогодние вечера и предаваемые забвению во все остальное время года (причем в некоторых местах само их пение в несвяточное время считалось грехом). Эти песни обычно сопровождалось хороводами и даже своеобразными игрищами; причем, хотя пение этих песен на беседах иногда начиналось уже с Николы зимнего, игрищами оно начинало сопровождаться только с наступлением рождественских вечеров.

Все эти забавы и развлечения обычно затягивались далеко за полночь, и при этом с посиделок нередко отправлялись не по домам, а на гулянья. Так, парни после беседы нередко отправлялись продолжать шалости на улицах. Иногда они просто забавлялись, например, заставляя хозяина выглянуть в окно, а затем перемазывая его метлой, намоченной в жидком конском помете, или стуча по стенам избы так, что в красном углу валились иконы (отчего разгневанный хозяин выскакивал из дома и долго гонялся за парнями). Однако при этом они часто устраивали и “бесчинства”: утаскивали различные вещи, разрушали поленицы дров, разваливали печи в банях, заваливали утварью все выходы из избы и т.д. Подобные действия иногда, вероятно, совершались ради увеселения, однако нередко могли иметь и обрядовый характер: такая разрушительная деятельность символизировала отгон нечистой силы.

Автор: Наталья Шапарова © Babr24.com ОБЩЕСТВО, МИР 👁 7307 08.01.2008, 17:33 📌 295
URL: <https://babr24.com/?ADE=42391> Bytes: 35055 / 35055 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Наталья
Шапарова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)